

Ancient meetings by *curia* took place in the church of each *curia* and had a markedly sacral character. The most important activity at the meeting of a people, adopting one law or another, was the swearing of a religious vow of loyalty to the latter (Dionys. V. 1.3.). Pontifices played a special role in carrying out the voting ritual, directing in particular the construction of planked footways for voting in each *curia* (hence their name, «bridge builders»). Mention should also be made of the role of the people's gatherings as judicial organs, in which wills, adoption documents, and so-called *detestationes* – convictions of perjurers – were ratified.

In conclusion, the author emphasizes the fact that curia were first united on the level of a general council made up of curia representatives – including senators and general military leaders (*rex*). All-Rome meetings, the so-called *comitia calata*, were held in the first century of Rome's existence only for the election of rulers and all-Rome priests. Only later, starting with the ruler Tullus Hostilius (VII century BC), did all-Rome gatherings become continuously active legislative and judicial organs.

© 2002 г.

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО САРМАТОВЕДЕНИЯ

В последние годы в ряде авторитетных российских историко-археологических изданий были опубликованы несколько статей С.М. Перевалова¹, посвященных отдельным, но весьма актуальным вопросам сарматской археологии. Их автор на материале «наиболее информативных»² письменных и иконографических источников предлагает решение проблем, которые, по его мнению, безуспешно разрабатывают специалисты-сарматологи. Они, исследуя археологические источники и всего лишь «привлекая» (по выражению Э.А. Грантовского, которое одобрительно цитирует С.М. Перевалов)³ письменные, создают историографические мифы⁴, реконструируя отдельные эпизоды истории сарматской эпохи, огромной во времени и пространстве.

Истоки такой «дискриминации» письменных источников⁵, по мнению С.М. Перевалова, лежат на поверхности – большинство сарматологов не владеет классическими языками и использует письменные источники «из вторых рук», в переводах В.В. Латышева, Г.А. Стратановского, П.И. Прозорова и др.⁶ Безусловно, знание классических языков делает честь археологу и значительно повышает его научный потенциал. Однако, если мы работаем с переводами источников, то ставить под сомнение профессиональные качества специалистов по классической филологии с нашей стороны как минимум неэтично. Поэтому я не вижу причин для столь пессимистической, как у С.М. Перевалова, оценки перспектив исследований археологов. В недавно вышедшей статье один из ведущих сарматологов А.С. Скришнин резонно заметил, что за то состояние, в котором находятся переводы источников по сарматской проблематике

¹ Перевалов С.М. Военное дело у аланов II в.н.э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // ИАА. 1997. Вып. 2. С. 129–134; он же. Как создаются мифы (К ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. 1998. Вып. 3. С. 96–101; он же. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–76; он же. О племенной принадлежности союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С. 203–210.

² Он же. Сарматский контос... С. 65. Такая шкала информативности источников целиком на совести С.М. Перевалова, и точность ее мы еще обсудим.

³ Он же. Как создаются мифы... С. 96. Не уверен, что в археологическом исследовании следует поступать наоборот. Каждая наука должна заниматься своим предметом.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же.

⁶ Перевалов. Сарматский контос... С. 67, 71, 74; он же. О племенной принадлежности... С. 204.

(и на которое справедливо сетует С.М. Перевалов), ответственны в первую очередь «специалисты, непосредственно занимающиеся этими источниками»⁷.

В этой же статье А.С. Скрипкин с сожалением отметил назидательный тон некоторых пассажей С.М. Перевалова. Я разделяю эту оценку, однако, чтобы наша научная среда «не заслужила порицания» С.М. Перевалова «отсутствием критического настроения»⁸, постараюсь, по мере сил и знаний, проанализировать его статьи и затронутые в них вопросы.

Они посвящены двум, в общем-то частным проблемам сарматоведения: племенной атрибуции сарматов, участвовавших в римско-парфянском конфликте 35 г., и пресловутой «сарматской» посадке катафрактарыев. В решении первой проблемы автор, подробно анализируя тексты «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (18, 97) и «Анналов» Корнелия Тацита (6. 33–35) и абсолютно не оперируя археологическим материалом, приходит к выводу о том, что противниками парфян в войне 35 г. были аланы⁹. Что касается археологии, то исследования ведущих сарматологов¹⁰ убедительно показывают, что с аланами времени Плиния Старшего, Иосифа Флавия и Тацита следует связывать среднесарматскую культуру от Волги до Днепра второй половины I – начала II в.н.э.¹¹, и, таким образом, вопрос об участии аланов в войне 35 г. археологией снимается. Там, откуда аланы должны были совершать поход – в предкавказских степях – в это время господствуют памятники совершенно иного облика, оставленные сираками¹². С.М. Перевалов усматривает разницу между территориями обитания в 35 г. сираков – «междуречье Кубани и Дона» и союзников иберов и албанов (по его мнению, аланов) – «недалеко от Дарьяльского и Дербентского проходов, на территориях, непосредственно примыкающих к Кавказу»¹³. Если под этим расплывчатым определением понимать Центральное и Восточное Предкавказье с памятниками типа Подкумского, Нижне-Джуглатского, Чегемского или Паласа-Сыртского могильников, то и их аланская принадлежность большинством исследователей отрицается¹⁴. Автор, однако, не анализирует мнения археологов на этот счет и не приводит археологических аргументов ни *pro*, ни *contra*.

Я не собираюсь предлагать здесь решение вопроса – для этого нужно как минимум определить племенную принадлежность всех достаточно различающихся памятников Предкавказья сарматского времени. Но давайте рассмотрим систему аргументов С.М. Перевалова. Прежде всего, это изначальная *коррекция* текста источника. Поскольку сохранившийся текст (я намеренно избегаю термина «оригинал», так как таковой утрачен) «звучит непонятно» и нелогично *с точки зрения исследователей*, автор вслед за первоиздателем (Базель, 1544) ставит слово «аланы» в винительный падеж, получая желаемый результат. Однако подобная манипуляция, пусть и называемая «конъектурой»¹⁵, уже есть насилие над источником, его аранжировка. А *prigoi* принятая конъектура снимает важные вопросы: почему в первоначальном написании текст непонятен? чья это ошибка? что имел в виду автор? Эти вопросы объективно снижают информативность данного письменного свидетельства, столь высоко ценимую С.М. Переваловым.

⁷ Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // ИАА. 2001. Вып. 7. С. 21.

⁸ Перевалов. Военное дело... С. 98.

⁹ Там же. С. 96–97; Перевалов. О племенной принадлежности... С. 203–210.

¹⁰ Ссылки на их работы см. *он же*. Как создаются мифы... С. 96.

¹¹ Иные гипотезы см. Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 117–119; Берлизов Н.Е. Аланы-скифы // ИАА. 1996. Вып. 2.

¹² Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

¹³ Перевалов. О племенной принадлежности... С. 207.

¹⁴ Абрамова М.П. Об одной из гипотез о происхождении северокавказских алан // ИАА. 1996. Вып. 3. С. 34–40.

¹⁵ Определение конъектуры, отнюдь не применимое к данному случаю, дает сам С.М. Перевалов (О племенной принадлежности... С. 205).

Вернемся к работе автора с источником. Предпочитая издание Б. Низе со словом «аланы» изданию Б. Нубера со словом «скифы», автор уверяет нас, что именно первое – более полное и точное. Однако не стоит забывать, что и этот «оригинал оригиналов» уже является копией. Согласно С.М. Перевалову, этникон «скифы» появился в латинском переводе Иосифа Флавия, сделанном в VI в., а все греческие рукописи с этником «аланы» датируются X–XI веками¹⁶. Более того, он сам же допускает, что в первоначальном тексте Иосифа стояло «скифы», но, ссылаясь на «упрямый факт» – наличие слова «аланы» в более позднем греческом переводе – предпочитает последнее. Не так уж упрям этот факт, как видим. Почему мы должны исключать тот вариант, что именно более поздний греческий переводчик заменил «скифов» на «аланов», ориентируясь на определение их тем же Иосифом Флавием как «части скифов»? Мои предположения методологически мало отличаются от допущений С.М. Перевалова и, не претендуя на то, чтобы стать версией, призваны только проиллюстрировать шаткость и относительную информативность этого «наиболее информативного» источника. Автор хочет видеть в участниках событий 35 г. аланов и, насилуя источник, получает тому «доказательства». Я в силу недоброкачественности письменной традиции в нашем случае и объективных данных археологии, приведенных выше, не могу однозначно признать их аланами.

Заканчивая этот сюжет, хочу некоторым образом вступить за Тацита. С.М. Перевалова настораживает словоупотребление ученого, то не называвшего аорсов и сираков сарматами, то ни разу не употребившего имя аланов, то нейтрально называвшего участников войны 35 г. сарматами. По мнению автора, это говорит о том, что Тацит «нетвердо представлял себе этническую ситуацию в районе Кавказа»¹⁷. Не хочется сравнивать, но смею думать, что Тацит гораздо более твердо, нежели Иосиф Флавий, представлял себе этнические и другие ситуации не только в этом районе. Именно об осведомленности Тацита говорит точное наименование им участников событий 45–49 гг. аорсами и сираками вместо общего «сарматы». Примеры объективности Тацита можно продолжить. Рассказывая о событиях 69–70 гг. на дунайской границе, он уточняет, что роксоланы – «народ сарматского племени»: вероятно, такое уточнение было необходимо. Скорее всего, Тацит ограничился нейтральным «сарматы» применительно к участникам похода 35 г. именно потому, что ему или его информаторам не было точно известно племенное название этих кочевников. Молчание же ученого относительно аланов также есть намек на то, что в описываемых событиях они не принимали участия. Сходную позицию в этом вопросе занимает и А.С. Скрипкин¹⁸.

Наивной выглядит попытка С.М. Перевалова усмотреть разницу между аорсами, сираками и аланами на основании «политического строя»¹⁹. Основываясь на социальной номенклатуре Тацита, он подчеркивает, что аорсы и сираки возглавлялись царями, а напавшие в 35 г. сарматы (сиречь аланы) – скелптухами. Честно говоря, мне непонятно, как эта разница отражается на «аланской» версии? Совершенно ясно, что в одном контексте Тацит говорит об официальном участии в войне всего кочевого объединения, возглавляемого царем, а в другом акцентирует внимание на том, что поход был предпринят скелптухами, т.е. предводителями отдельных родов или орд на свой страх и риск (практика, обычная для кочевников). Ведь в том же тексте Тацита содержится информация о том, что какие-то другие сарматы, «приняв по обычаю своего народа дары и с той, и с другой стороны», поддерживали парфян, возможно, против своих же сородичей. Таким образом, и этот аргумент С.М. Перевалова не работает на «аланскую» версию.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 206.

¹⁸ Скрипкин. Ук. соч. С. 22. Так сложилось, что мы с А.С. Скрипкиным независимо друг от друга одновременно обратились к данной теме, но его статья вышла раньше.

¹⁹ Перевалов. О племенной принадлежности... С. 207.

Еще один вопрос, который затронул в одной из своих статей С.М. Перевалов – исследование на основании все той же «наиболее информативной» категории источников так называемой сарматской посадки. Вопрос этот давний²⁰, и возник он на основе появления в сарматское время *нового изобразительного канона* (это важное обстоятельство как-то упускается из виду), корреспондировавшего со временем появления *в поле зрения античных авторов* (что также не всегда принимается в расчет) сарматской тяжелой конницы. Два подчеркнутых момента создали историографический миф (вот где верен термин С.М. Перевалова!); основное отличие сарматской тяжелой конницы состояло в том, что она атаковала сомкнутым строем, а всадники наносили штурмовой удар, бросив повод и держа пики обеими руками.

Прежде всего: конница (а тем более тяжелая) всегда и во все времена атаковала сомкнутым в той или иной степени строем, иное ее применение в бою малоэффективно, чтобы не сказать – бесполезно²¹. Помимо физической силы удара, атака конницы имела немаловажное психологическое значение. Вид несущейся лавины коней, грохот копыт, оскаленные морды и тяжелое дыхание животных, взлетное оружие всадников повергали пешего противника в ужас и шок²². Недаром во всех уставах пехоте запрещалось бежать от кавалерии – стычку еще можно было выиграть, бегство же означало неминуемую гибель. Применительно к нашим территории и эпохе существование тактики атаки тяжелой кавалерии сомкнутым строем у скифов VI–IV вв. до н.э. доказано Е.В. Черненко²³. Убедительный разбор пассажа Арриана в этом смысле предложен и С.М. Переваловым²⁴. Таким образом, практика конной атаки сомкнутым строем в евразийских степях не была изобретена сарматами.

Что касается двух других составляющих «сарматской посадки» – хват пики двумя руками и брошенный во время атаки повод (на эти детали С.М. Перевалов упирает особо) – то предлагаемые ниже рассуждения адресованы не только ему, но и остальным исследователям, занимающимся данным вопросом. Дело в том, что, увлекшись анализом иконографического материала и данных письменной традиции, подгонявшихся под него (археология в этом случае почти бессильна), практически все они ни разу не попытались представить себе, насколько их выкладки применимы на практике – верхом на коне, да еще в бою. Исключения составляют опыт, проделанный М. Маклом с копией македонской сариссы – оружием, близким контосу по параметрам, и практические упражнения М. Юнкельмана²⁵. Выяснилось, что длинным (до 4,5 м) копьём можно было действовать успешно, лишь держа его одной рукой подмышкой, а второй – держа повод. При хвате пики двумя руками последняя возможность исключается а удар не получается. По данным эксперимента М. Макла, при атаке на полном галопе сариссу не обязательно было держать крепко – удар обретал силу за счет резвости и массы лошади. После столкновения сарисса бросалась, и всадник брался за клинок. М. Юнкельман утверждает, что действовать оружием типа сариссы на галопе не тяжело, если держать его посередине древка правой рукой, а левой держать повод²⁶. Подошедшие ближе всего к решению вопроса

²⁰ Историографию см. *он же*. Сарматский контос... С. 75–76.

²¹ Именно поэтому не применявшая такой тактики античная кавалерия была столь слабой.

²² Независимо от меня близкую мысль высказал Ф. Кардини: «...только представьте себе на мгновение огромную массу металла, скачущую верхом на разгоряченном коне, само воплощение древнего сакрального ужаса и нового апокалиптического кошмара» (Истоки средневекового рыцарства. Сретенск, 2000. С. 359).

²³ У Арриана речь идет о клине; о минимальной разнице между клином и сомкнутым строем см. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 86; Черненко Е.В. Битва при Фате и скифская тактика IV в. до н.э. // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 64.

²⁴ Перевалов. Военное дело у аланов... С. 133; *он же*. Сарматский контос... С. 98.

²⁵ Makle M. III Minor. M., 1977; *idem*. The Macedonian Sarissa, Spear and Related Armor // AJA. 81. P. 336–339; Junkelmann M. Die Reiter Roms. 3 // Kunstgeschichte der Antiken Welt. Bd. 53. Mainz, 1992. S. 144.

²⁶ *Ibid*. S. 144.

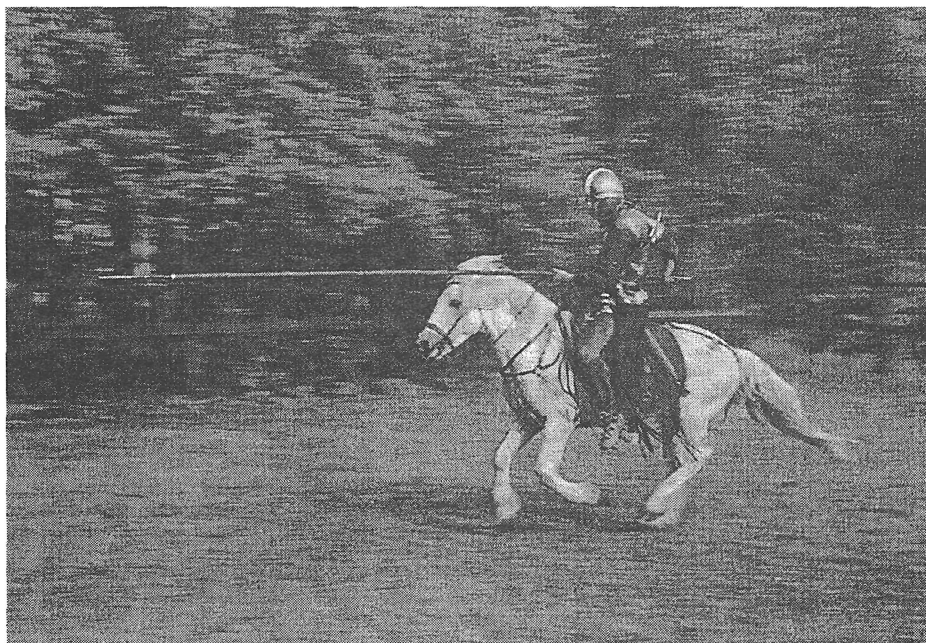

Рис. 1. "Сарматская посадка" (по М. Юнкельману)

о «сарматской посадке» В.А. Горончаровский и В.П. Никоноров²⁷, совершенно справедливо сомневаясь в ее существовании, ссылались на эксперимент М. Макла. И напрасно С.М. Перевалов считает его некорректным: «...сарисса – не контос, а македоняне не сарматы»²⁸. Будучи кандидатом в мастера по конному спорту и регулярно едзя верхом по сей день²⁹, могу заявить – в данном случае безразлично, как называется копьё и какой национальности всадник. Дело в динамических характеристиках эксперимента, показавшего, что действовать с коня длинной пикой, повернув торс и удерживая ее двумя руками, и затруднительно, и малоэффективно.

М. Юнкельман проводил эксперимент с контосом длиной 4,5 м, держа его по «сарматскому» способу (т.е. двумя руками). Как и в случае с сариссой, экспериментатор справедливо считает главными составляющими силы удара резвость и массу лошади. По данным М. Юнкельмана, для оптимального использования контоса его нужно было держать правой рукой ближе к концу древка, а левой вместе с поводом (! – А.С.) приблизительно в 1 м от правой. Как видим, и здесь нет речи о брошенном поводе. Кроме того, двуручный хват, предложенный М. Юнкельманом (рис. 1), несколько отличается от «сарматской» посадки: всадник сидит, слегка повернувшись вправо, левым плечом вперед, контос удерживается по диагонали по отношению к продольной оси коня. При таком хвате у всадника при отдаче есть запас для разворота торса в наиболее устойчивое фронтальное положение, а сопротивление цели не разворачивает его вправо вплоть до выбивания из седла (рис. 2).

Вернемся к анализу «сарматской посадки». Первое, что в ней абсолютно нереально – брошенный повод. Дело в том, что при движении галопом, а особенно при

²⁷ Горончаровский В.А., Никоноров В.П. Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 210.

²⁸ Перевалов. Военное дело... С. 134.

²⁹ Этот факт моей биографии я привожу в качестве своеобразной ссылки на источник предлагаемой ниже информации по вопросам верховой езды, которую, увы, практически невозможно найти в литературе.

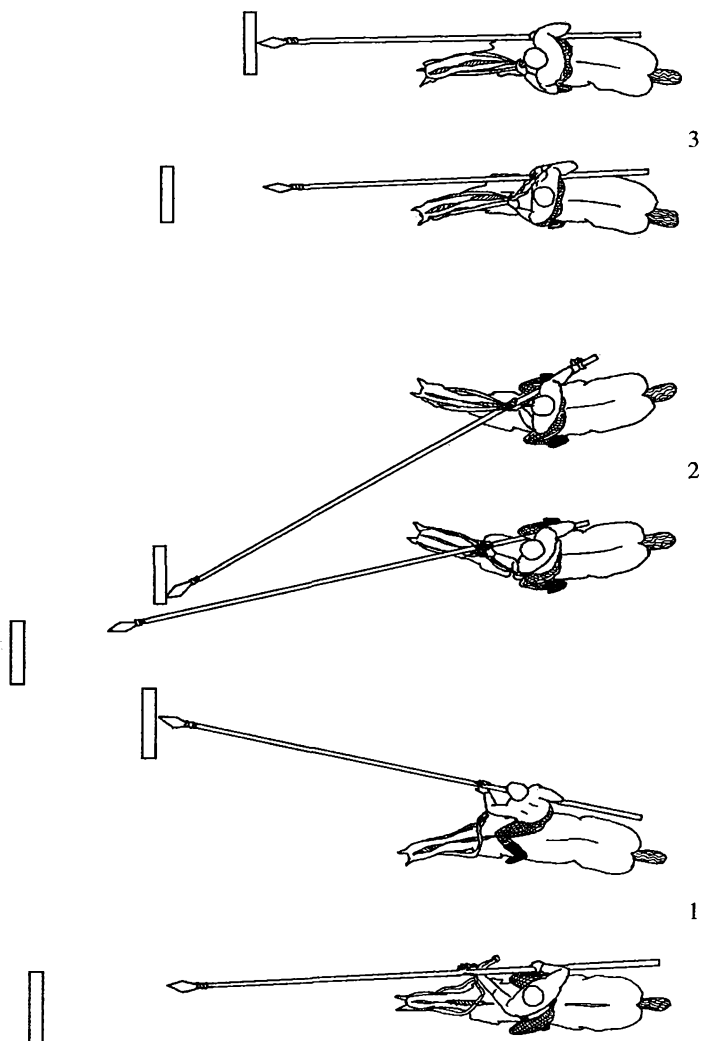

Рис. 2. Кинематика всадника и лошади при ударе пикой. 1 – «сарматская посадка» (по С.М. Первалову); 2 – «сарматская посадка» (по М. Юнкельману); 3 – одноручный хват

маневрах на этом аллюре, упор лошади в повод (постоянный контакт с рукой всадника) – необходимое условие. Набранный повод обеспечивает лошади равновесие на заду, смещая центр ее тяжести ближе к середине корпуса. Это облегчает мгновенные остановки, повороты, заезды, пируэты и другие маневры, производимые, замечу, на достаточно резвом ходу (до 35 км/час). Кроме того, упор лошади в повод – единственное средство предотвратить ее падение через голову в случае, если она споткнется, попав ногами в неровность грунта или зацепившись за лежащий на земле объект³⁰. Лошадь, уравновешенная на переду (центр тяжести проходит через плечо или ближе к голове), менее устойчива на ходу и хуже управляется при скоротечных маневрах. Сказанное не означает, что всадник должен постоянно держать повод набранным – при свободном движении (например, на походе), повод смягчается или даже бросается,

³⁰ Случается, что даже идущая шагом с брошенным поводом лошадь, споткнувшись, начинает падать, и лишь резкий рывок поводом предотвращает падение.

давая лошади отдых. Однако атаковать да еще и наносить удар пикой, бросив повод, очень рискованно – вряд ли сарматы этого не понимали.

Однако же на изображениях сарматских всадников показан именно брошенный повод. И в какие только тяжкие не пускаются сторонники критического подхода к источнику, чтобы в данном случае избежать его критики и признать соответствие этой нереальной картины реальности! Вот и С.М. Перевалов полагает, что «трудности управления конем без узды³¹... преодолевались длительной тренировкой воина и коня»³². Безусловно, сарматские лошади, как и современные, были выезжены так, что в обычных условиях ездить на них можно было и без повода. Но в бою так делать нельзя, ибо лошадь становится неуправляемой, что приведет к печальным последствиям. Не решают вопроса и данные Тита Ливия или Вергилия, приведшие С.М. Перевалова к убеждению (вернее, к заблуждению) в том, что «у многих народов древности конники в момент атаки отпускали повод и давали лошадям волю»³³. Писавшие об этом древние авторы скорее всего имели в виду момент начала атаки, когда для немедленного подъема в галоп и стремительного наращивания пейса³⁴ действительно необходимо смягчить повод, резко подав руку вперед. Однако при возникновении препятствия или внезапной необходимости маневра всадник сейчас же «берет лошадь на себя», натягивая повод. Мне кажется, что в таком специфическом вопросе, как работа поводом на галопе, Тит Ливий и Вергилий вряд ли были специалистами. Их данные, приводимые С.М. Переваловым, вероятнее всего, отражают личные впечатления авторов от увиденного или услышанного и вряд ли могут использоваться для серьезных военно-исторических обобщений. Здесь мы опять сталкиваемся с «пере-напряжением» источника для доказательства своих положений.

Напрямую связан с работой поводом (точнее – с необходимостью держать его набранным) и удар пикой. Отдачу оружия при столкновении с целью не в силах сдерживать всадник – ее принимает на себя лошадь, поддерживаемая поводом в равновесии на заду. Отдача эта по законам физики равна силе удара, а последняя, по тем же законам, складывается из веса всадника и коня, умноженного на скорость в момент удара, т.е. весьма велика. В противном случае (повод брошен, всадник держит пику двумя руками, повернув торс) всадника, сидящего без стремян, просто снесет с коня (рис. 2, 1). Вспомним, что в пешем строю при отражении удара конницы удерживаемое двумя руками копьё концом древка упирается в землю, как и рогатина при единоборстве с крупным зверем. С.М. Перевалов привлекает в качестве доказательства практикования двуручного хвата не изложенные выше физические выкладки, а письменные источники. Интересно, что древние авторы, безусловно владевшие верховой ездой (тот же Арриан – прокуратор не мог не быть кавалеристом), ничего не пишут о двуручном хвате пики. О нем упоминают в основном поэты – Валерий Флакк, Силий, Стаций, Гелиодор. Сделаем поправку на их литературный талант, образность мышления, задачи произведения (они ведь писали не кавалерийский устав), точность перевода – и задумаемся, так ли уж «наиболее информативна» эта категория источников?

Впрочем, если быть точным, то и перечисленные авторы конкретно не писали именно о двуручном хвате. Вот пример работы С.М. Перевалова с текстом Флакка³⁵. «Непростой для толкования» текст, спорные детали которого к тому же восстановлены на основе анализа Р. Сайма (сколько поправок сразу!) никак не дает оснований к тому, что «надо думать» о двуручном хвате пики. Почему надо так думать? То, что она «прижата к колену» и поднята «невысоко, на уровень груди или живота противника», не убеждает. Более того, абсолютная невозможность участия колена всадника в управлении пикой при любом ее боевом положении заставляет усомниться в компетенции поэта в этом вопросе. Коленом можно разве что прижать древко в походном

³¹ Правильно – без повода. Узда (простореч.) – оголовье, трензель и повод, скомпонованные вместе.

³² Перевалов. Сарматский контос... С. 72.

³³ Там же.

³⁴ Пейс (англ. расе) – темп лошади на повышенных аллюрах (рысь, галоп).

³⁵ Перевалов. Сарматский контос... С. 72.

положении, однако это сразу причинит всаднику боль и приведет к потертости колена или шлюсса³⁶. Пресловутое колено, упомянутое еще и Силием (который, возможно, просто заимствовал это место у Флакка), заставляет С.М. Перевалова на основе боспорской иконографии корректировать изобретаемую им «сарматскую посадку» – он заменяет колено бедром (поскольку эта часть тела на изображениях действительно соприкасается с древком): «...крепко прижимает древко к колену (бедру)...»³⁷. Так к колену или бедру? Не знаю, как по нормам латинского языка, но в русском такая замена называется, мягко говоря, натяжкой. Вот так на основе недоброкачественного источника, трактуемого в «нужную» сторону, создается историографический миф.

Достоин внимания и то, как С.М. Перевалов «выжимает» доказательства двуручного хвата пики у Тацита. Для этого предварительно анализируется синтаксис латинского оригинала с его сложностями, отмеченными П. Раттенбери (сомневавшегося, кстати, в существовании двуручного хвата). Анализ П. Раттенбери и С.М. Перевалова, безусловно, демонстрирует их знания, однако совершенно не убеждает в том, что «логика ситуации» (sic!) при сохраняющейся возможности двойного толкования фразы – за двуручный хват пики. Судя по оригиналу, более точен перевод Г.С. Кнабе, где объясняется причина невозможности сражаться (скользящие лошади и тяжесть панцирей). При этом абсолютно безразлично, относится ли *quos praelongos* к пикам и мечам, либо только к мечам – и те, и другие в тацитово время были длинными, и филологические упражнения С.М. Перевалова ответа на вопрос не дают. Впрочем, он и сам понимает это, задействуя в безвыходном положении «логику ситуации». Это не аргумент.

Мало проясняет суть вопроса и упоминаемый древними авторами ремень, призванный, по С.М. Перевалову, облегчить выдергивание пики из тела врага. Практика применения пики предполагает как такое использование ремня (точнее – петли) посередине древка, так и удерживание им пики на походе в вертикальном положении. Петля при этом надевалась на плечо всадника. Перед атакой она движением плеча сбрасывалась на локоть и помогала удерживать пику при мгновенных изменениях ее положения в схватке. Это и мог иметь в виду Флакк (VI. 162), поскольку такое применение ремня также есть «управление» копьём. К тому же примеры боевого применения пики в новое время (уланы, казаки) показывают, что часто она после нанесения первого удара оставалась в теле противника, а всадник переходил к работе клинком (ср. мнение М. Макла об использовании сариссы).

Как убедился читатель, я скептически отношусь к существованию особой «сарматской посадки» с ее составляющими, сформулированной еще В.Д. Блаватским³⁸. Будучи опытным кавалеристом, он не мог не знать изложенных выше характеристик динамики всадника и лошади. Тем не менее, ученый отдал предпочтение иконографическим источникам. Почему же предложенные мной выкладки, базирующиеся на практике и подтвержденные экспериментами М. Юнкельмана и М. Макла, находятся в таком противоречии с ними?

В.А. Горончаровский и В.П. Никоноров вполне резонно предположили, что дело в специфике источника – «...на этих памятниках персонажи имеют явно героизированный облик, художники, очевидно, стремились создать парадные портреты своих заказчиков...»³⁹. Действительно, подобная посадка известна в основном в боспорской иконографии (раскопки склепов, стела Трифона), на двух церемониальных сосудах из богатых сарматских погребений (Косика, Вербовский) и двух (из множества!) римских надгробиях⁴⁰. Судя по близости иконографии (рис. 3), оба сосуда сделаны если не

³⁶ Шлюсс – мышцы внутренней части бедра всадника, держащие его в седле.

³⁷ Перевалов. Сарматский контос... С. 72.

³⁸ Блаватский В.Д. О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. 29. С. 96–99.

³⁹ Горончаровский, Никоноров. Ук. соч. С. 210.

⁴⁰ Перевалов. Сарматский контос... Рис. 4. На последних изображении двуручного хвата проблематично; см. Eadie J.W. The Development of Roman Mailed Cavalry // JRS. 1967. 57. P. 172.

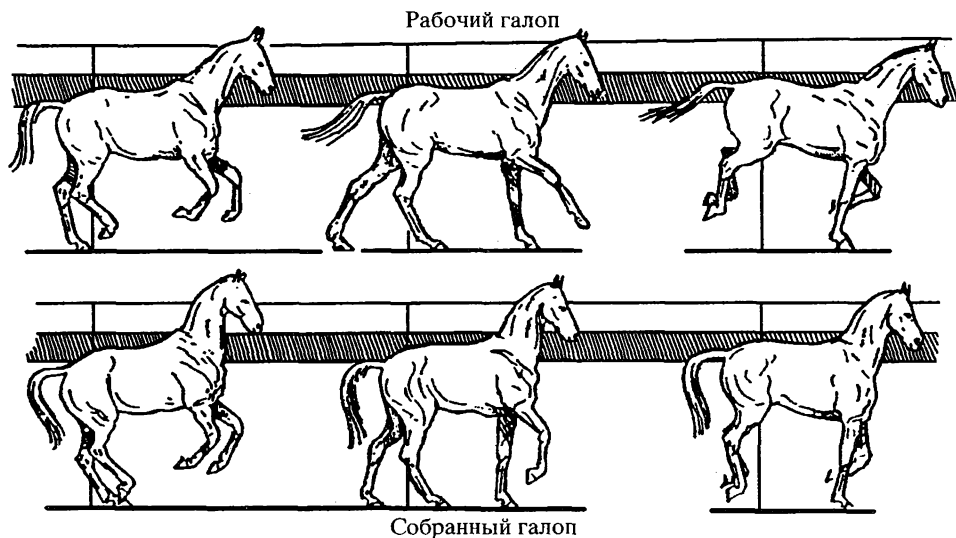

Рис. 3. Фазы галопа лошади

одним мастером⁴¹, то в одной художественной «школе Амспалака»⁴² явно с античных образцов. Последние же (например, боспорские росписи и рельеф Трифона), выполнены по принятому в то время канону, названному Х. фон Галлем фронтальным⁴³. В отличие от господствовавшего до конца эллинизма греческого канона, фронтальный, по мнению исследователя, появился в Пальмире и Сирии в конце I в. до н.э., однако всеобщее распространение получил в I в. н.э.⁴⁴

В этом каноне все условно, начиная с изображения коня и кончая всадником. Поза, в которой изображен скачущий конь, в действительности не существует. Ни в одной фазе галопа (рис. 4) передние и задние ноги лошади не находятся в такой позиции, как на рассматриваемых изображениях. Специально классифицировавший изображение галопа в искусстве С. Рейнак назвал такой галоп развернутым или опорным (*galop allongé*). В предшествовавшем античном каноне господствовал аттический или короткий галоп (*canter*), с опорой коня на согнутые задние ноги и поднятыми на разную высоту передними⁴⁵. Безусловно, центральной фигурой был всадник, для чего он и изображался анфас, в величественном статичном повороте корпуса, с копьём в обеих руках (последнее требовалось композицией). Она же заставляет изображать повод брошенным, ибо при всей условности и схематизме рисунка изображать натянутый «ничем» повод (ведь руки явно не участвовали в этом) художник себе позволить не мог. Впрочем, я не искусствовед, и последнее рассуждение – всего лишь гипотеза дилетанта. Однако ясно, что изображения, созданные с неукоснительным соблюдением канона, отнюдь не ставившего во главу угла столь специфические реалии, как техника верховой езды контофора, вряд ли могут быть полноценным источником по ее изучению.

⁴¹ Мамонтов В.И. Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у поселка Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов-Энгельс, 2000. С. 169.

⁴² Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики. К вопросу о школе Амспалака // ВДИ. 1994. № 1. С. 199–202.

⁴³ Галль Х. фон. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. 1997. № 1. С. 174–198.

⁴⁴ Там же. С. 177.

⁴⁵ Reinach S. La représentation du galop dans l'art ancien et moderne. P., 1925. P. 6–12.

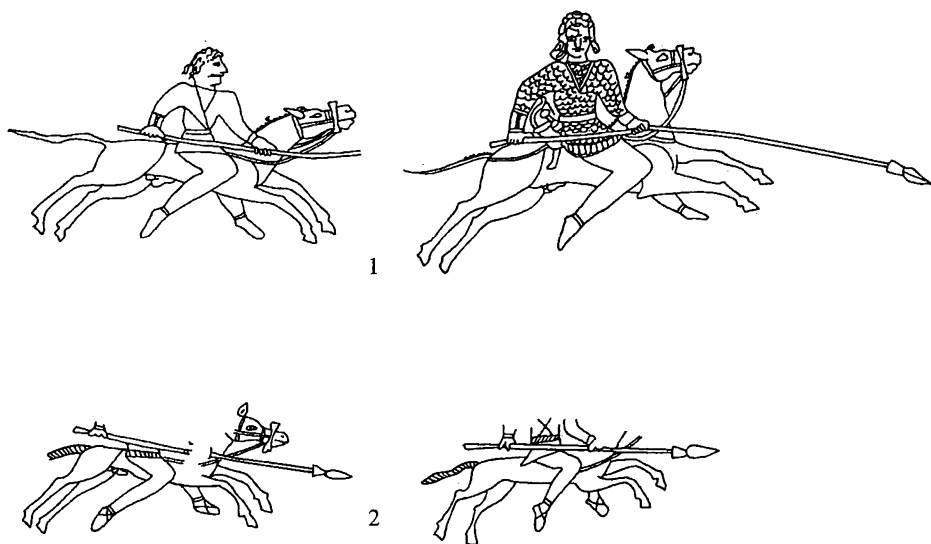

Рис. 4. Изображения на сосудах. 1 – Косика (по М.Ю. Трейстеру); 2 – Вербовский (по В.М. Мамонтову)

Примечательно, что на немногочисленных изображениях катафрактариев сарматского времени либо не парадного характера (известные граффити из Дура-Европос⁴⁶ и Илурата), либо не связанных античным каноном (пластины из Орлатского могильника, скульптура Халчаяна) представлен одноручный хват пика с одновременно набранным поводом (рис. 5, 6). Особенно показательна в этом смысле орлатская пластина. Всадники на ней изображены с явным знанием предмета. Один из них держит копьё подмышкой, в его левой руке повод, второй держит копьё, кажется, двумя руками, но способом, реконструированным М. Юнкельманом. Таким же образом держат свои длинные копыя Арташир I в сцене поединка с Артабаном V и принц Шапур на рельефах из Фирузабада, Бахрам II на рельефе из Накш-и-Рустама⁴⁷. Держит пик в одной руке и халчаянский катафрактарий, хотя и здесь галоп передан условно.

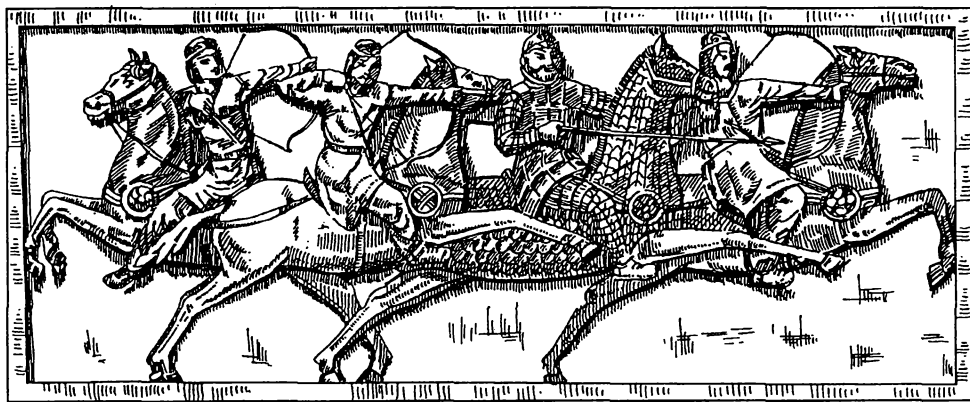
Несколько слов о длине сарматских пик и прочем вооружении, поскольку, по мнению сторонников «сарматской посадки», именно необычайно длинные (до 4 м) пики сарматов заставляли держать их двумя руками. В археологическом материале целые сарматские пики не представлены. Попытки обосновать их длину в «несколько метров»⁴⁸ на основании иконографического материала не очень убедительны (впрочем, 2–3 м также «несколько»). Действительно, есть ли у нас гарантия того, что здесь мы не имеем дело с фантазией художника? Росписи пантикапейских склепов схематичны, и вряд ли соотношение длины копыя и высоты фигуры всадника реальные. На сарматских копиях не было втоков, которые обычно фиксируют длину истлевших древков скифских копий в могилах. Мной была предпринята попытка реконструировать длину копыя, сообразуясь с положением наконечника в могиле и ее размерами⁴⁹. Результаты оказались весьма интересны и даже несколько неожиданны.

⁴⁶ Мне осталась недоступной полная публикация граффити из Дура-Европос (*Goldman B. Pictorial graffiti of Dura-Europos // Parthica. Incontri di culture nel mondo antico. 1999. 1*), содержащая несколько подобных изображений.

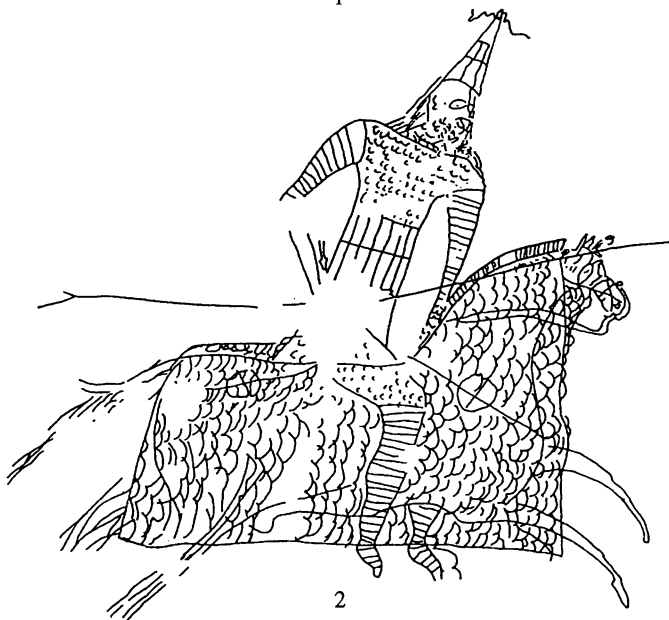
⁴⁷ *Bivar A.D.H. Cavalry equipment and tactics on the Euphrates frontier // Dumbarton Oaks Papers. V. 26. Washington, 1972. Fig. 6, 10, 11.*

⁴⁸ *Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. I. СПб., 1914. С. 330–331.*

⁴⁹ *Симонович А.В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э. Дис. канд. ист. наук. Киев, 1986. С. 58–61.*

1

2

Рис. 5. Изображения катафрактариев. 1 – Халчаян (по Г.А. Пугаченковой); 2 – Дура-Европос (по М. Bishop, J. Coulston)

Почти половина известных сарматских наконечников копий найдена в ограбленных могилах и, естественно, непригодна для проводимого анализа. В тех случаях, когда наконечники найдены *in situ*, почти все они лежали не по длинной оси могилы (т.е. так, как если бы в могилу было положено целое копьё), а в совершенно разных местах – у кистей (Бережновка-1, к. 6, п. 5), вдоль руки или ноги (Славянск, к. 253, п. 2; Приморское, к. 2, п. 4), близ таза (Никольское, к. 12), в головах или ногах по поперечной оси могильной ямы (Бережновка-2, к. 17, п. 1; Спасское, к. 3, п. 7; Старые Кишки; Ново-Никольский могильник, к. 9), в углу могилы среди инвентаря (III Кирсановский могильник, к. 2, п. 1). Наконечник из кургана 7 у хутора Ляпичева, где могильная яма якобы была специально удлинена, чтобы вместить целое копьё⁵⁰, на самом деле был воткнут в стенку ямы⁵¹.

⁵⁰ Хазанов. Ук. соч. С. 45.

⁵¹ Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.-Л., 1941. С. 186.

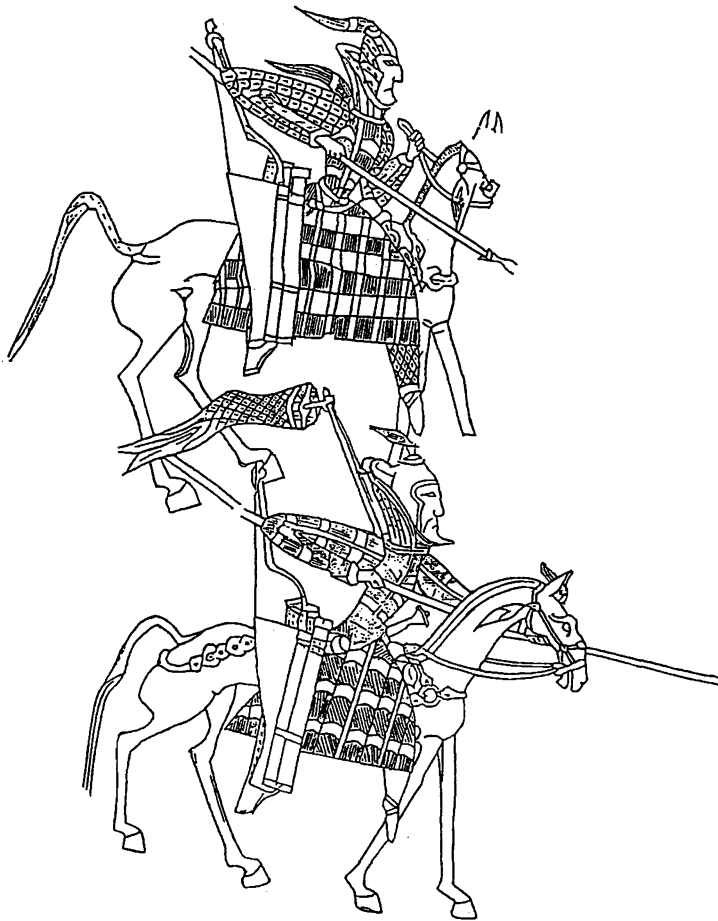

Рис. 6. Катафрактары на орлатской пластине (прорисовка А. Савина)

В Северном Причерноморье из 19-ти погребений, содержавших наконечники копий, только в шести они лежали у черепа острием вверх, т.е. так, как если бы в могилу было положено целое копьё. Две ямы имели 2,2 и 2,4 м в длину. Контуры могильной ямы остальных погребений не прослеживались, длина скелетов составляла около 175–180 см, т.е. вряд ли ямы были более 2,5 м в длину.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев положение наконечника копья в сарматских могилах говорит о том, что класть целое копьё параллельно покойному, как это было принято у скифов, у сарматов не было в обычае. Проведенный анализ приводит к двум выводам – либо сарматы ломали копьё перед помещением их в могилу, либо клали туда лишь наконечники. Последнее маловероятно – во втулках большинства наконечников есть остатки древков, да и обычай преднамеренной порчи вещей перед помещением их в могилу известен у сарматов.

При таком состоянии источников я не беру на себя смелость окончательно решать вопрос о длине сарматских копий. Наиболее длинные скифские копьё достигали 3 м⁵². У меня нет оснований считать сарматские пики более длинными. Ссылки на иконо-

⁵² Черненко Е.В. Длинные копьё скифов // Древности Евразии в скифосарматское время. М., 1984. С. 234.

графию⁵³ для обоснования длины их более 4 м неубедительны в силу некорректности источника (см. выше). М. Юнкельман утверждает, что пика длиной более 4,5 м при двуручном хвате становится неуправляемой⁵⁴. В новое время пики были разной длины, но в пределах от 4 (пики польских крылатых гусар XVII в.) до 3,15 метров (пики донских и кубанских казаков первой половины XIX в.)⁵⁵.

Развивая идею «сарматской посадки», С.М. Перевалов задумывается, насколько оперирование длинным контосом было затруднительно для пользования щитом (М. Юнкельман прямо утверждает, что эти виды вооружения несовместимы). Игнорирование им археологических данных делает эти рассуждения, мягко выражаясь, наивными. Хотя ему известна информация Тацита о том, что «у сарматов не в обычае прикрываться щитом», С.М. Перевалов, основываясь неизвестно на чем, полагает, что «впоследствии (когда? – А.С.), по крайней мере, в некоторых случаях (каких? – А.С.) аланские и сарматские контофоры имели небольшие щиты, носившиеся на локте левой руки»⁵⁶. Насколько мне известно, изображения щитов у сарматов отсутствуют вообще, а в археологическом материале представлены четыре (!) находки: бронзовая оковка фракийского или галатского овального щита конца II–I в. до н.э. ("клад" из Великопольского) и железные умбоны германских щитов из Садового кургана, могильников Высочино (оба конца I в.н.э.) и Курчи (вторая половина III в.н.э.). Таким образом, учитывая тысячи воинских сарматских погребений, среди которых могилы катафрактариев Золотого кладбища, Тацит был прав.

Существование «сарматской посадки» в трактовке В.Д. Блаватского – А.М. Хазанова – С.М. Перевалова представляется мне сомнительным. В первую очередь это вытекает из ее физических и динамических несообразностей. Они подтверждаются не только полевыми экспериментами, но и многовековым опытом использования пики. Кроме того, основные для ее реконструкции иконографические источники, как я постарался показать, не совсем корректны. Мое критическое к ним отношение вовсе не предполагает полного отрицания иконографического материала как источника. Безусловно, он является таковым хотя бы потому, что несет информацию о существовании в древности изображенного на нем явления. Однако при его использовании должны приниматься в расчет специфика художественного изображения, компетенция его автора, иконографические схемы и каноны того или иного времени, цель и смысловая нагрузка изображения и многое другое.

Сарматы, как и любые умелые всадники, отлично разбирались в предмете и если держали иногда пику двумя руками, то скорее способом, который предположил М. Юнкельман (орлатская пластина). Единственным новшеством, действительно привнесенным кочевниками сарматского времени в кавалерийскую науку, было массовое применение контофоров и ставка в бою на их неударжимую атаку. А это стало возможным с изобретением седла новой конструкции.

Остановимся вкратце на этом слабо разработанном⁵⁷ вопросе – он того заслуживает. Судя по немногочисленным изображениям (серебряные сосуды и горит из Чертомлыка и Солохи), в скифское время использовались мягкие седла-вальтрапы типа современных вольтижировочных. Их передняя часть была набита несколько плотнее, создавая невысокую переднюю луку (Пазырык). Судя по изображению на чертомлыцкой амфоре, передняя лука могла набиваться отдельно в виде валика, а затем пришиваться к ленчику. На лошади эти седла держались пришитой поверх ленчика чересседельной подпругой (отсутствие твердого арчака, к которому крепятся приструги⁵⁸, не оставляло иной возможности) и пристегнутым к ней нагрудником (последний не давал седлу сползать назад). Ездить в таком седле без стремян,

⁵³ Хазанов. Ук. соч. С. 54.

⁵⁴ Junkelmann. Op. cit. S. 146.

⁵⁵ Фролов Б.Е. Пики кубанских казаков // Древности Кубани. Вып. 10. Краснодар, 1998. С. 40.

⁵⁶ Перевалов. Сарматский контос... С. 72.

⁵⁷ Трейстер. Ук. соч. С. 190.

⁵⁸ Приструга – жестко закрепленный на арчаке ремень, к которому пристегивается подпруга.

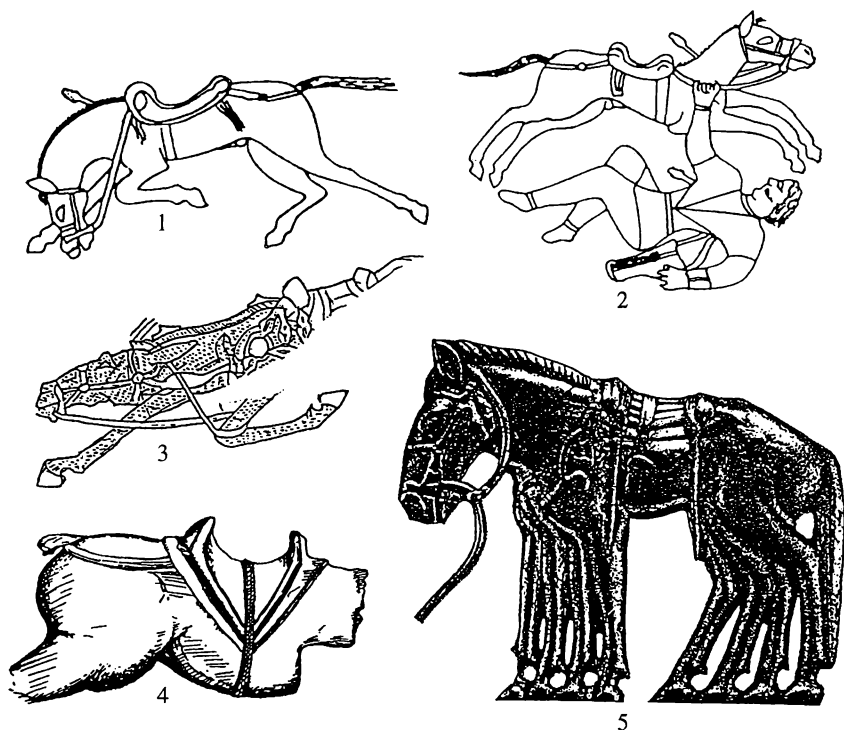

Рис. 7. Седла сарматского времени. 1, 2 – Косика; 3 – Орлат; 4 – Халчяан; 5 – Сибирская коллекция

учитывая высокое мастерство скифских всадников, было относительно удобно. Однако отсутствие задней луки и малая глубина седла не обеспечивали уверенной посадки всадника в момент нанесения удара пикой. Скорее всего, именно поэтому тактика массированного штурмового копейного удара так и не привилась в коннице скифского времени. Однако война настоятельно требовала максимальной реализации возможностей длинного копья, и прирожденные конники – кочевники нашли единственно верное решение. Так появилось новое седло с усложненной геометрией: глубоко изогнутым ленчиком и высокими луками. Даже без стремян оно обеспечивало всаднику надежную посадку и устойчивость при отдаче копья⁵⁹.

Время его появления совпадает с эпохой формирования сарматской культурно-исторической общности на рубеже III–II вв. до н.э., но более точно пока быть установлено не может. Седла усложненной геометрии известны в ханьском Китае⁶⁰. Однако вряд ли китайцы были их создателями. Скорее всего эти седла были заимствованы ими у северо-западных соседей – кочевников сюнну-усуньского круга. От них же новое седло проникло на запад – в Среднюю Азию и к сарматам (если только предки последних сами не были в числе его изобретателей; здесь мы соприкасаемся со сложной проблемой происхождения сарматов, рассмотрение которой не входит в задачу статьи). В среднеазиатской и сарматской иконографии первых веков новой эры уже представлены только такие седла (рис. 7).

⁵⁹ Римские седла с четырьмя выступами-луками также представляют собой новую в сравнении со скифской конструкцию. Однако развитие римского седла (литературу см. Трейстер. Ук. соч. С. 190) шло по другой линии и здесь не рассматривается.

⁶⁰ Azzaroli A. An Early History of Horsemanship. Leiden, 1985. P. 104. Fig. 61.

Скорее всего такое седло имело деревянный арчак (увы, в археологическом материале пока не представленный). При иной конструкции получить столь глубокий изгиб ленчика и высокие луки просто невозможно. На нем крепилась подушка, пережатая чересседельной подпругой (рис. 7, 3–5). На наличие жесткого арчака указывают изображения на сосуде из Косики (рис. 7, 1, 2). Здесь подпруга изображена выходящей из-под ленчика. Однако крепиться в этом случае она должна к жесткой основе – иначе, как бы крепко она ни была пришта к мягкому седлу, возникающие напряжения неминуемо оторвут ее либо вырвут «с мясом». Достаточно частые на изображениях сарматского времени подхвостники также говорят о наличии жесткого арчака – они препятствуют сдвиганию седла вперед, что приведет к потертости холки (мягкое седло этого не сделает). Такое седло употреблялось с нагрудником; вероятно, у сарматских коней, как у всех степных пород, была низкая холка.

Таким образом, сарматская тактика штурмового копейного удара контофоров или катафрактариев обязана своим появлением одному из величайших изобретений кочевой культуры – жесткому седлу с высокими луками. С его появлением таранный удар копьём со скачущего коня, бывший в скифское время достоянием отдельных богатей, стал доступен целым подразделениям. Несуществовавшая «сарматская посадка» здесь ни при чем.

На этом статью можно было бы и заканчивать, однако не могу не остановиться еще на одном сюжете. Непонятно, с какой целью С.М. Перевалов занялся ревизией известного и общепринятого положения об использовании в римском военном деле драконовидных штандартов (лат. *draco*), заимствованных у сарматов⁶¹. Относя его к «дежурным» ошибкам исследователей, он на основе анализа текстов Арриана и Валерия Флакка утверждает, что по происхождению эти значки скифские, а римлянами использовались на парадах и в военно-спортивных упражнениях. «Некритичное использование фрагмента произведения вне контекста» привело исследователей к неверному, по мнению С.М. Перевалова, утверждению об использовании таких значков аланами в бою. Что ж, обратимся вновь к археологическому материалу.

Образ дракона, происходящий из Китая, абсолютно неизвестен в скифской иконографии. Я уже не говорю о том, что ко времени Валерия Флакка и Арриана классическая скифская культура сменилась совершенно иной по облику позднескифской (впрочем, из текста трудно понять, каких скифов С.М. Перевалов считает изобретателями *draco*). Как бы там ни было, и в ранне- и позднескифской культуре образ дракона отсутствует. Напротив, популярность этого образа у сарматов единодушно признается всеми как одна из дальневосточных инноваций в сарматской (аланской) культуре I в. н.э., свидетельствующая о центральноазиатском происхождении аланов. Давно общепризнано, что в первых веках новой эры «скифами» в античной традиции именовались чаще всего именно сарматы. Точка зрения о заимствовании у них драконообразных штандартов римской воинской символикой верна и не требует пересмотра. В ее пользу говорят не только письменные, но и изобразительные источники. *Draco* изображены на арке Галерия и орлатской пластине (рис. 6): в первом случае у сарматов и отнюдь не на параде, во втором – в бою у среднеазиатских кочевников сарматского круга, не имевших к парадам римской армии никакого отношения⁶². Я. Маккай на основе всестороннего анализа различных источников предложил убедительную гипотезу о заимствовании образа дракона западноевропейским эпосом (вплоть до цикла легенд о короле Артуре) и геральдикой именно у сарматов⁶³.

Проблема сравнительной информативности письменных, иконографических и археологических источников не нова. Я далек от признания какой-либо их категории наиболее информативной – каждая из них имеет свои сильные и слабые стороны,

⁶¹ Перевалов. Военное дело... С. 133; *он же*. Сарматский контос... С. 74.

⁶² Правда, на орлатской пластине у штандарта нет головы дракона, однако его общая схема совершенно аналогична *draco*, – вероятно, это один из неизвестных нам вариантов боевого значка.

⁶³ Makkey J. Iranian Elements in early Mediaeval Heroic Poetry. The Arthurian Cycle and the Waltharius. Budapest, 1998. P. 15. f., 18 f.

каждая по-своему информативна, и в каждой эта информация закодирована. Общеизвестно, что один из принципов археологического исследования есть корреляция всех категорий источников; лишь тогда наши аргументы гипотетические построения обретают или утрачивают доказательность. Жаль, что С.М. Перевалов отдает приоритет нарративным свидетельствам, забывая порой о необходимости критики их, к которой сам призывает⁶⁴. Односторонний и, как мне показалось, предвзятый подход его к проблеме породил новые историографические мифы, хотел этого автор или нет.

А.В. Симоненко

SOME DEBATABLE QUESTIONS IN THE STUDY OF THE SARMATIANS

A.V. Simonenko

In several articles, S.M. Perevalov has attempted to revise the conventional answers to several questions concerning the Sarmatians, calling them historiographic myths. But Perevalov's evidence is flawed.

Relying on his own interpretation of the text of Josephus Flavius, Perevalov asserts that the allies of Iberi and Albani in the war with the Parthians in 35 AD were Alans (the conventional view holds that they were Aorsi and Siraci). Deeming written material the most informative evidence, however, Perevalov neglects to draw the archaeological finds to his arguments. In fact, these fail to support his flawed interpretation: Archaeological relics which can be identified as Alanic appeared no earlier than the middle of the 1st century AD, suggesting Alans could not have been living in the Northern Caucasus in 35 AD. Only a minority of investigators identify the Sarmatian relics of this time in Ciscaucasia with Alans.

With regard to military arts among the Sarmatians, Perevalov – basing his findings on narrative sources – endorses the hypothesis of V.D. Blavatskij and A.M. Khazanov, who assert the existence of a special seat of Sarmatian cataphractarii (in which the torso is turned sideways, the rein is loosed, the lance is held with two arms). This seat, supposedly differing from that of other nomadic warriors, is held to account for the power of the Sarmatian cavalry. However, only an incorrect interpretation of the antique artistic iconography of Sarmatian times supports the existence of such a seat, whose fanciful nature is revealed by an examination of its dynamic characteristics. The spread of the massive lance attack as a tactic in Sarmatian times was in fact connected with the invention of the rigid saddle with high pommels, which enabled riders to stay in the saddle despite the recoil of the lance.

© 2002 г.

АСТРАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В РИМСКОЙ ЧЕКАНКЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МОНЕТНЫХ ТИПОВ

В римской монетной типологии имеется сравнительно небольшое количество типов, отражающих проникновение в религию Рима астральных культов (в том числе и солярно-лунарных). Причины происхождения этой группы типов, включающей изображения Солнца и Луны, звезд, комет, символов отдельных созвездий, зодиакального круга и т.д., не всегда легко объяснимы. Данные монеты невозможно рассматривать вне конкретного культурно-исторического контекста, без обращения к трудам Манилия, Макробия, Флавия Филострата, Цензорина, Цицерона и других авторов, а также к параллелям в искусстве и, наконец, к чеканке ряда античных государств, из которой римские резчики часто черпали сюжеты для своих композиций.

⁶⁴ *Перевалов. Военное дело... С. 133.*